
Я касаюсь вечера слабой своей рукой:
Разозлить бы, зайтись бы вспышкой болевой!
Нас давно осудили намертво на покой,
Я борюсь за возможность вырваться из него.

Вечер в кожу впивается яростней и острее,
И я чувствую, как по пальцам закат течёт.
И – как что-то внутри потрескивает на костре.
И становится дымно, горько и горячо.

Взросление на лезвии ножа.
Дом изменился на излёте лета,
Став не моим, а я – застряла где-то,
Откуда невозможно убежать.

Отправилась одна бы, далеко,
Измерить поле боя в километрах
И дать губам потрескаться от ветра:
Пусть поскорей обсохнет молоко.

И для чего же время нам дано?
Птенцы впервые покидают гнёзда,
Их крылья обжигает свежий воздух.

Птенцам, как всем, как мне, не всё равно,
Что каждый точно для чего-то создан,
Не обошло бы только стороной.

Сон в ноябре

Сон в ноябре, под дыханием Севера: брезжил
Солнечный свет, розоватый, туманный и блеклый.
Улиц не видно сквозь заволоченные стёкла.
Воздух прохладен. Немного остаточно нежен.

Травы застыли в своей безупречности линий,
Я согревала их мягкостью маминой шали.
Небо звенело. Ладони немного дрожали.
Всё на земле постепенно окутывал иней.

Не бранное поле, не камера пыток, не жёлтый дом.
Не постапокалипсис – предапокалипсис. Тускло.
Не пытаюсь направить себя ни в какое русло.
Вроде как-то дышу (почему-то дышу с трудом).
Почему: банка кофе по скидке – и словно жив;
Время больше не движется, сколько ни занят делом;
подавляю упругость, так верю своим пределам,
Что уже и не выстрелить сотней тугих пружин?
На морях перед страшным цунами всегда отлив.
Я – забытый, оставшийся на берегу ребёнок.
Только жду неизбежных вестей твоих изощрённых.
Накрывай же, волна. Уничтожишь? Поверю ли?

Молитва

Благодарю за твою неизбывную суть,
За твою беспредельность, пределы мои и силы,
И боли.
Когда ты разрывал ладонями мою грудь,
Моё сердце в ладонях дышало и выносило
Любое.
Благодарю за сдержанное лицо.
Не позволь мне лёгких побед на войне,
Желая,
Чтобы я возвращалась, наполненная свинцом,
После каждой смерти, тобой отведённой мне –
Живая.

Стать больше всего дождём или ветром хочется.
Почему так случилось? Не спрашивай, ради бога,
Каждый день находится повод для одиночества,
Мне в какой-то момент действительно стало много.

Мне достаточно, чтобы волю на разум выменять.
Так что мимо пройди, не пытайся взглянуть в
лицо мне.

Я бессовестно долго не называла имени,
Я теперь не могу его, Господи, даже вспомнить.

Мне в своих ладонях теплей, чем дома,
И спокойней слышать, как мир молчит.
Я стремлюсь к одиночеству, как к святому, –
Я сумела счастье в нём различить.

В это утро, встреченное бессонницей,
Когда брезжит ласковый свет зари
И ещё есть пара часов до солнца,
Мне всё меньше хочется говорить.

Романс

Холодная ночь, безлика,
Увядавшие фонари
Желтят и сигналият бликами.
Пожалуйста, говори.

Звучи – и голос разлей рекой
В антеннах и проводах.
Звучи! Боюсь тишины. Такой
Мой детский нелепый страх.

Безлунной ночью и под луной,
От сумерек до зари,
Прошу тебя, говори со мной.
Пожалуйста, говори.

Становится диким и острым присутствие боли
На кончиках пальцев, на выдохе, в рёбрах и горле.
А план мой военный, наверное, начисто стёрли,
Оставив без времени, места и шанса на волю.

Боль ревностно рядом. Я чувствую: бешено дышит.
Не дай мне сорваться, остаться в безжалостной бойне.
Твой голос – молитва. Зови меня, жди меня! Пой мне!
И я непременно найду в себе силы услышать.

Колыбельная

Закрывай глаза. Будет слышно едва-едва,
Как гудит-говорит асфальт и поёт трава,
Как проходит навывлет время и дребезжит,
Отделяясь, жизнь.

Тишиной вымывается боль, так давай молчать.
Пусть ладони земли прикоснутся к твоим плечам,
Закрывай глаза и позволь им себя раздеть,
Обнажая смерть.

Когда будет земля утоптана и тверда,
Дай нам бог осознать беду и прийти сюда.
Но сегодня мы пьём её, как густой бальзам.
Закрывай глаза.

Обещай не кричать, если вдруг разорвёт меня
стоя.

Без обмана: наш путь – смертный бой,
беспощадный и длинный.

Я храню тебя так, как хранят драгоценные вина,
Я храню тебя так. Меня больше ничто не спасает.

Нам теперь остаётся держаться на голову выше,
Остаётся рвать глотки. Ходить по границе, по краю.
Я не воин совсем, я, представь, никогда не была им!
Это только инстинкт и больное желание выжить.

Взлёт

Долгие проводы. Тягостный непокой.
Бьются в артериях вспышки твоих огней.
Стала тоска осязаемой и живой:
Душит – видны следы от её ногтей,
Словно порезы. Бесчувственный и пустой,
Мой самолёт теряется в темноте.
В рёве мотора я, кажется, слышу свой.

Соловей

Нас заживо распарывает Кронос,
Из памяти стирая даже лица,
И никого и ничего не ждёт.
Мы молимся на старые иконы,
И я кажусь себе невзрачной птицей,
Которая чарующе поёт.

Я не боюсь. Всё кончится когда-то.
Но соловей – пока поёт, поёт –
Лишь временем одним и заточённый,
Однажды песней обозначит дату,
И только мне, услышавшей её,
Захочется оглохнуть обречённо.

Домой

И откуда смогу дотянуться до той реки,
У которой тогда-то вершилась моя заря,
Вседозволенностью расстеленная
По земле, где дороги знакомы и далеки,
Вдоль домов, я стучу в их двери, но только зря –
Остаться не велено.

Всё молчит, только тени сдавливают тоской,
Изнутри рождая непостижимый зуд,
Оставаясь правыми.
Я стою, запрокинув голову, над рекой,
И лучи прожигают бельмо на моём глазу.
Руки пахнут травами.